

Пошел отставной солдат Тарабанов странствовать; шел он неделю, другую и третью, шел целый год и попал за тридевять земель, в тридесятое государство - в такой дремучий лес, что кроме неба да деревьев ничего не видать. Долго ли, коротко ли - выбрался он на чистую поляну, на поляне огромный дворец выстроен. Смотрит на дворец да дивуется - этакое богатства ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать! Обошел кругом дворца - нет ни ворот, ни подъезда, нет ходу ниоткуда. Как быть? Глядь - длинная жердь валяется; поднял ее, приставил к балкону, напустил на себя смелость и полез по той жерди; взлез на балкон, растворил стеклянные двери и пошел по всем покоем - везде пусто, ни одна душа не попадается!

Входит солдат в большую залу - стоит круглый стол, на столе двенадцать блюд с разными кушаньями и двенадцать графинов с сладкими винами. Захотелось ему голод утолить; взял с каждого блюда по куску, отлил из каждого графина по рюмке, выпил и закусил; залез на печку, ранец в голову положил и лег отдыхать. Не успел задремать хорошенько - как вдруг прилетают в окно двенадцать лебедушек, ударились об пол и сделались красными девицами - одна другой лучше; крылышки свои на печь положили, сели за стол и начали угощаться - каждая с своего блюда, каждая из своего графина. «Послушайте, сестрицы, - говорит одна, - у нас что-то неладно. Кажись, вина отпиты и кушанья початы». - «Полно, сестрица! Ты всегда больше всех знаешь!» Солдат заметил, куда они положили крылышки; тотчас тихонько поднялся и взял пару крылышек той самой девицы, которая была всех догадливее; взял и спрятал.

Красные девицы пообедали, встали из-за стола, подбежали к печке и ну разбирать свои крылышки. Все разобрали, только одной не хватает. «Ах, сестрицы, моих крылышек нету!» - «Ну что ж? Зато ты больно хитра!» Вот одиннадцать сестер ударились об пол, обернулись белыми лебедушками и улетели в окно; а двенадцатая как была, так и осталась и горько-горько заплакала. Солдат вылез из-за печки; увидела его красная девица и начала жалостно упрашивать, чтоб отдал ей крылышки.

Говорит ей солдат: «Сколько ни проси, сколько ни плачь - ни за что не отдам твоих крылышек! Лучше согласишься быть моей женою, и станем жить вместе». Тут они меж собой поладили, обнялись и крепко поцеловались.

Повела его красная девица, своего нареченного мужа, в подвалы глубокие, отперла

большой сундук, железом окованный, и говорит: «Забирай себе золота, сколько снести можешь, чтоб было чем жить - не прожить, было бы на что хозяйство водить!» Солдат насыпал себе полны карманы золота, выбросил из ранца старые заслуженные рубашки, набил и его золотом. После собрались они и пошли вдвоем в путь-дорогу дальнюю.

Долго ли, коротко ли - пришли в славный столичный город, наняли себе квартиру и расположились на житье. В один день говорит солдату его жена: «На тебе сто рублей, поди в лавки и как есть на всю сотню купи мне разного шелку». Солдат пошел в лавки, смотрит - на дороге кабак стоит. «Неужли, - думает, - из сотни рублей нельзя выпить и на гривенник? Дай зайду!» Зашел в кабак, выпил косушку, заплатил гривенник и отправился за шелком; сторговал большой сверток, приносит домой и отдает жене. Она спрашивает: «На сколько тут?» - «На сто рублей». - «Ан неправда! Ты купил на сто рублей без гривенника. Куда ж, - говорит, - ты гривенник девал? Верно, в кабаке пропил!» - «Ишь какая хитрая! - думает солдат про себя, - всю подноготную знает». Из того шелку вышила солдатская жена три чудных ковра и послала мужа продавать их; богатый купец дал за каждый ковер по три тысячи, дождался большого праздника и понес те ковры самому королю в подарок. Король как взглянул, так и ахнул от удивления: «Что за искусные руки работали!» - «Это, - говорит купец, - простая солдатская жена вышила». - «Быть не может! Где она живет? Я сам к ней поеду».

На другой же день собрался и поехал к ней новую работу заказывать; приехал, увидел красавицу и по уши в нее врезался. Вернулся во дворец и задумал думу нехорошую, как бы от живого мужа жену отбить.

Призывает к себе любимого генерала. «Выдумай, - говорит, - как извести солдата; награжу тебя и чинами, и деревнями, и золотой казной». - «Ваше величество! Задайте ему трудную службу: пусть пойдет на край света да Сауру-слугу достанет; тот Саура-слуга может в кармане жить, и что ему ни прикажешь - живо все сделает!»

Король послал за солдатом, и как скоро привели его во дворец, тотчас на него накинулся: «Ах ты, неразумная голова! По кабакам, по трактирам ходишь да все хвастаешь, что Сауру-слугу достать - для тебя плевое дело. Что ж ты наперед ко мне не пришел, ни единого слова про то не сказал? У меня ведь двери никому не заперты». - «Ваше величество! Мне такой похвальбы и на ум не всходило». - «Ну, брат Тарабанов! Не моги запираяться! Ступай на край света и добудь мне Сауру-слугу. Не добудешь - злой смертью казнию!» Прибежал: солдат к жене и рассказал свое горе; она вынула колечко.

«На, - говорит, - колечко; куда оно покатится, туда и ступай - ничего не бойся!»
Наставила его на ум, на разум и отпустила в дорогу.

Кольцо катилось, катилось, докатилось до избушки, вспрыгнуло на крылечко, в дверь да под печку. Солдат за ним вошел в избушку, залез под печь и сидит-дожидается. Вдруг приходит туда старик - сам с ноготь, борода с локоть, и стал кликать: «Эй, Саура! Покорми меня». Только приказал, в ту ж минуту перед ним является бык печеный, в боку нож точеный, в заду чеснок толченый, и сороковая бочка хорошего пива. Старик сам с ноготь, борода с локоть сел возле быка, вынул нож точеный, начал мясо порезывать, в чеснок помакивать, покушивать да похваливать. Обработал быка до последней косточки, выпил целую бочку пива и вымолвил: «Спасибо, Саура! Хорошо твое кушанье; через три года я опять к тебе буду». Попрощался и ушел.

Солдат вылез из-под печки, напустил на себя смелость и крикнул: «Эй, Саура! Ты здесь?» - «Здесь, служивый!» - «Покорми, брат, и меня».

Саура подал ему жареного быка и сороковую бочку пива; солдат испугался: «Что ты, Саура, сколько подал! Мне этого и в год не съесть, не выпить». Съел куса два, выпил с бутылку, поблагодарил за обед и спрашивает: «Не хочешь ли, Саура, у меня служить?» - «Да коли возьмешь, я с радостью пойду; старик мой такой обжора, что иной раз из сил выбьешься, пока его досыта учествуешь». - «Ну, пойдем! Полезай в карман». - «Я давно, сударь, там».

Тарабанов вышел из той избушки; кольцо покатилось, стало путь показывать и - долго ли, коротко ли - привело солдата домой. Он тотчас явился к государю, кликнул Сауру и оставил его при короле служить. Опять призывает король генерала: «Вот ты сказывал, что солдат Тарабанов сам пропадет, а Сауры ни за что не добудет; а он вернулся целехонек и Сауру принес!» - «Ваше величество! Можно выискать потрудней того службу: прикажите-ка ему на тот свет идти да узнать, как поживает там ваш покойный батюшка?» Король не стал долго раздумывать и в ту ж минуту послал курьера, чтоб представили к нему солдата Тарабанова. Курьер поскакал: «Эй, служба, одевайся, король тебя требует».

Солдат почистил на шинели пуговицы, оделся, сел с курьером и поехал во дворец.

Является к королю; король ему и говорит: «Послушай, неразумная голова! Что ты по всем трактирам, по кабакам хвастаешь, а мне не доложишься, будто можешь ты на тот свет дойти и узнать, как поживает мой покойный батюшка?» - «Помилуйте, ваше величество! Такой похвальбы мне и в голову не всходило, чтоб на тот свет попасть. Окромя смерти, иной дороги туда - как перед богом! - не ведаю». - «Ну как хочешь, так и делай, а непременно сходи и узнай про моего батюшку; не то мой меч - твоя голова с плеч!» Тарабанов воротился домой, повесил свою буйную голову ниже могучих плеч и сильно запечалился; спрашивает его жена: «О чем приуныл, любезный друг? Скажи мне сущую правду». Он ей рассказал все по порядку. «Ничего, не печалься! Ложись-ка спать; утро вечера мудренее».

На другой день поутру только проснулся солдат, посылает его жена: «Ступай к государю и проси себе в товарищи того самого генерала, который на тебя короля наущает». Тарабанов оделся, приходит к королю и просит: «Ваше королевское величество! Дайте мне генерала в товарищи; пусть он будет свидетелем, что я взаправду на том свете побываю и про вашего родителя безо всякого обману проведаю». - «Хорошо, братец! Ступай домой, собирайся; я его к тебе пришлю». Тарабанов воротился домой и начал в дорогу собираться; а король потребовал к себе генерала. «Ступай, - говорит, - и ты с солдатом; а то ему одному поверить нельзя». Генерал струхнул, да делать нечего-королевского слова нельзя послушаться: нехотя побрел он на солдатскую квартиру.

Тарабанов наклал сухарей в ранец, налил воды в манерку, попрощался с своей женою, взял у нее колечко и говорит генералу: «Ну, теперь с богом в путь!» Вышли они на двор: у крыльца стоит дорожная коляска - четверней запряжена. «Это кому?» - спрашивает солдат. «Как кому? Мы поедем». - «Нет, ваше превосходительство! Коляски нам не потребуется: на тот свет надо пешком идти». Кольцо впереди катится, за кольцом солдат идет, а за ним генерал тащится. Путь далекий, захочется солдату есть - вынет из ранца сухарик, помочит в воде и кушает; а товарищ его только посматривает да зубами пощелкивает. Коли даст ему солдат сухарик - так и ладно, а не даст - и так идет.

Близко ли, далеко ли, скоро ли, коротко ли - не так скоро дело делается, как скоро сказка сказывается - пришли они в густой, дремучий лес и спустились в глубокий-глубокий овраг. Тут кольцо остановилось. Солдат с генералом сели наземь и принялись сухари глотать; не успели покушать, как глядь - мимо их на старом короле два черта дрова везут - большущий воз! - и погоняют его дубинками: один с правого боку, а другой с левого. «Смотрите, ваше превосходительство! Никак это старый король?» - «Да, твоя правда! - говорит генерал. - Это он самый дрова везет». - «Эй,

господа нечистые! - закричал солдат. - Ослободите мне этого покойника хоть на малое время; нужно кой о чем его расспросить».

- «Да, есть нам время дожидаться! Пока ты будешь с ним разговаривать, мы за него дрова не потащим». - «Зачем самим трудиться! Вот возьмите у меня свежего человека на смену».

Черти мигом отпрягли старого короля, а на его место заложили в телегу генерала и давай с обеих сторон нажаривать; тот гнется, а везет. Солдат спросил старого короля про его жите-бытье на том свете. «Ах, служивый! Плохое мое жите. Поклонись от меня сыну да попроси, чтобы служил по моей душе панихиды; авось господь меня помилует - освободит от вечной муки. Да накрепко ему моим именем закажи, чтобы не обижал он ни черни, ни войска; не то бог заплатит!» - «Да ведь он, пожалуй, веры не даст моему слову; дай мне какой-нибудь знак». - «Вот тебе ключ! Как увидит его - всему поверит». Только успели они разговор покончить, как уж черти назад едут. Солдат попрощался с старым королем, взял у чертей генерала и отправился вместе с ним в обратный путь.

Приходят они в свое королевство, являются во дворец. «Ваше величество! - говорит солдат королю. - Видел вашего покойного родителя - плохое ему на том свете жите. Кланяется он вам и просит служить по его душе панихиды, чтобы бог помиловал - освободил его от вечной муки; да велел заказать вам накрепко: пусть-де сынок не обижает ни черни, ни войска! Господь тяжко за то наказывает». - «Да взаправду ли вы на тот свет ходили, взаправду ли моего отца видели?» Генерал говорит: «На моей спине и теперь знаки видны, как меня черти дубинками погоняли». А солдат ключ подает; король глянул: «Ах, ведь это тот самый ключ от тайного кабинета, что как хоронили батюшку, так позабыли у него из кармана вынуть!» Тут король уверился, что солдат сущую правду говорил, произвел его в генералы и перестал думать об его жене-красавице.